

В.ЛИНКОВ

ТЕОРИЯ, СОЗНАНИЕ И ЖИЗНЬ В ПОНИМАНИИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Проблема взаимоотношения “разума” и “жизни” приобрела в России в 60-е годы XIX столетия предельную остроту и актуальность. Степень ее значимости можно косвенно оценить по тому длительному и упорному труду, который был затрачен на ее исследование наиболее проницательными умами эпохи, Л.Толстым и Ф.Достоевским. Для Достоевского она, по существу, стала магистральной, начиная с “Записок из подполья”. В результате глобального исторического сдвига, который он назвал “геологическим переворотом”, начался новый период в истории человечества, был предложен новый, до сих пор невиданный способ жизни, руководимой не преданиями и традициями, а разумом. Источником высшей, непререкаемой истины вместо Божественного откровения признали разум, но точнее было бы сказать, теоретический разум, теорию, образцом которой считалась и, кажется, до сих пор считается многими, естественная наука. Новое миропонимание, названное рационалистическим, разумеется, породило оппозицию, окрещенную иррационализмом. Одними из самих ранних и глубоких оппонентов так называемых рационалистических взглядов в России стали Л.Толстой и Достоевский.

“Если допустить, что жизнь человеческая управляется разумом, то уничтожится возможность жизни”, – писал Л.Толстой в эпилоге “Войны и мира”.

С конца XIX – начала XX века иррационалистические течения мысли стали модными и многочисленными. Как заметил авторитетный философ XX века: “С Сократа начиналось всевластие разума; нам видно, напротив, окончание этой власти. Наша миссия противоположна сократовской”¹. Так критика рационализма Достоевским оказалась одной среди многих и возникла опасность искаженного ее восприятия по аналогии с другими, от которых ее многое отличало. Немного общего у Достоевского с философами, предпочитающими инстинкт разуму; с теми, кто, как Шестов, проклинал разум, считая его враждебным жизни. Совершенно чуждо было писателю отрицание культуры, духа во имя жизни, столь популярное в наше время.

На наш взгляд, значение и ценность критики Достоевского в его верности разуму. Его следует назвать истинным рационалистом, поскольку он лучше понимал, что такое разум, глубже и вернее сознавал его место в жизни человека, чем так называемые рационалисты. Хорошо известно своеобразие Достоевского-полемиста, умевшего встать на точку зрения своих противников и показать их внутреннюю непоследовательность, их измену своим же убеждениям. Так он поступает и в нашем случае. Он показывает, как поборники разумных начал на каждом шагу попирают собственные принципы. Прежде всего они даже не способны поставить вопрос о границах и возможностях разума, как это сделал Достоевский. “Что знает рассудок? Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательного и бессознательного, и хоть врет, да живет” (5; 155). В этих строках “Записок из подполья” первый довод писателя против теорий, отождествляющих человека с конечным, окончательным знанием о нем. Человек никогда не познает себя до конца, и вряд ли какой-нибудь ученый решится утверждать возможность исчерпывающего знания о человеке. Следовательно, никогда человек не сможет целиком подчинить свою жизнь теории. Отсюда понятно отношение Достоевского к теории и логистике. У него молодежь “уродуется в теориях” (6; 370). В качестве высшего руководства человеком и обществом Достоевский не принимает любую теорию независимо от ее содержания. Таков пафос его статьи “Два лагеря теоретиков”, где подвергаются критике и западники, и славянофилы. “Для славянофильства теория – такая же беспощадная, такая же скорая на все, как и всякая другая” (20; 13).

Размышляя о роли разума в жизни современного общества, Достоевский открыл новое явление в истории человечества, явление исключительной важности и глобального, мирового значения, названного им полунаукой.

“...Полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, неизвестный до нынешнего столетия. Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор невысказанным, перед которым трепещет даже сама наука и постыдно потекает ему” (10; 199). Справедливость слов Шатова и солидарность с ними автора “Бесов” подтверждается, в частности, “Записками из подполья”, из которых становится ясно, что такое “полунаука”. Это теория, объявляющая себя наукой, и не являющаяся таковой на самом деле. Она придает ненаучным и даже антинаучным положениям научную форму и обязывает принимать их, опираясь на авторитет науки, как несомненные научные истины. Причем – повышая ранг их достоверности, – стремится возвести их до истин математических, которые являются ее идеалом не вследствие точности и логичности, а потому, что обязательны и неоспоримы. Механизм действия “полунауки” Достоевский показывает в “Записках из подполья”. “Уж как

докажут тебе, что, в сущности, одна капелька твоего собственного жиру тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных <...>, так уж так и принимай, нечего делать-то, потому дважды два – математика. Попробуйте возразить”. “Помилуйте, – закричат вам, – восставать нельзя: это дважды два четыре!” (5; 105). Человеческому деспотизму нужна, разумеется, не математика, а принудительность ее истин. “Возражать нельзя” – мечта всех деспотов.

В чем же суть возражения Достоевского против вмешательства “науки” в область нравственности? Она проста и, как нам представляется, неопровержима. Ни математика, ни естественные науки ничего не могут сказать и никогда не скажут о том, что должно быть человеку дороже. Это люди говорят от имени науки, в чем проявляется низшая ступень религиозного сознания, называемая фетишизмом.

Полунаука явление широкое, к ней, в частности, можно отнести идеологии, вещающие от имени науки, такие, как марксизм, фрейдизм, расовые теории. Это, конечно, не означает, что они полностью лишены какого-либо научного содержания. Но их претензия выступать в роли высшего, якобы научного авторитета во всех областях человеческого бытия совершенно абсурдна. Как абсурдно выражение “научный коммунизм” – нельзя сказать: научная наука или научная физика.

Полунаука, возникнув в XIX веке, благополучно дожила до наших дней, но суть ее осталась неизменной. В связи с этим любопытна ее критика уже со стороны науки, например, крупного ученого Ф.А.Хайека. В своей книге “Пагубная самонадеянность” он, в частности, признается, “что не в силах удержаться от улыбки”, когда читает в книгах по эволюции призывы “к человеческому разуму взять бразды правления и контролировать дальнейшее развитие, поскольку жизнь стала чудовищно сложной”². По убеждению Хайека, современные ученые преувеличивают роль разума в развитии человечества и по существу не замечают других, бессознательных начал, в действительности составляющих почву, на которой выросла культура.

“Человеческое сознание – не направляющая сила, а продукт культурной эволюции, и зиждется более на подражании, чем на интуиции и разуме”³.

Столь модная еще в XIX в. идея создания морали разумным путем, которую так убедительно критиковал Достоевский, представляется Хайеку недоумением.

“Усвоение правил поведения, – замечает он, – это по большей части источник, а не результат интуиции, разума и понимания”⁴. И еще: “Наша мораль отнюдь не есть продукт нашего интеллекта”⁵.

Особого внимания достойно обвинение Хайеком сциентизма в ненаучности. По его мнению, эта и другие теории современного рационализма вырастают “из ложной концепции науки и рациональности, основанной на злоупотреблении разумом”⁶.

То, к чему с таким трудом приходит современная наука, было очевидно

ным для автора “Записок из подполья”: “чистый” разум, разум сам по себе не в состоянии дать основание для поступка, действия и, наконец, для жизни в целом.

Впервые в мировой литературе Достоевским был создан образ героя, лишенного всяких свойств и качеств, который “ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым” (5; 100). У него нет имени, родителей и “обитает” он в самом “умышленном городе на всем земном шаре” – в Петербурге.

“Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собой другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления” (5; 108) – признается герой “Записок из подполья”. Так сущность жизни и сущность мышления расходятся. Основание жизни иррационально, вне-разумно, его составляют эмоции, желания или, как выражается Достоевский, хотение. Самая глубокая основа – любовь к жизни. Вспомним знаменательный разговор Алеши с Иваном. Алеша: “Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить”.

“Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?” – уточняет Иван, высказывая совсем другую мысль. Но Алеша как будто не замечает противоречия и соглашается с братом, но утверждает свое, иное. “Непременно так, полюбить прежде логики, и тогда только я и смысл пойму” (14; 210). Нарушением логики, вполне правдоподобным в живом разговоре, Достоевский своеобразно подчеркивает столь существенное и принципиальное для него различие: не больше, а прежде смысла. Вопрос “что больше, что меньше” – неправомерен, он искажает суть взаимоотношения любви и разума, рационального и иррационального. И уж конечно любовь к жизни не только не враждебна разуму, но, напротив, только она и дает человеку энергию, движущую им на трудном пути постижения смысла жизни. Она не смысл, а основа жизни. Смысл рождается через любовь, а любовь через смысл обретает свою высшую, подлинную форму.

До того, как человек начинает мыслить и становится способным составить мировоззрение, он проходит немалый путь в своем развитии. В детстве у него рождается отношение к миру, когда он обретает опыт, который будет определять его мысль. Поэтому у Достоевского детство и дети занимают особое место в его романах. А в “Братьях Карамазовых” дети проходят через весь роман: с них он начинается и ими кончается. В кульминационной, по определению Достоевского, пятой книге, в главе “Бунт”, дети составляют, так сказать, кульминацию в кульминации. В романе есть сцена, высветившая истоки глубокого различия в миропонимании Алеши и Ивана. Федор Павлович за коньячком вспоминает, как он однажды плюнул на образ на глазах своей второй жены. Рассказ вызвал припадок истерических слез у Алеши. “Необычайное сходство с матерью особенно поразило старика.

– Иван, Иван! скорей ему воды. Это как она, точь-в-точь как она, как

тогда его мать! <...> — Да ведь и моя, я думаю, его мать была, как вы полагаете? — вдруг с неудержимым гневным презрением прорвался Иван. <...> Но тут случилось нечто очень странное, правда на одну секунду: у старика действительно, кажется, выскочило из ума соображение, что мать Алеши была и матерью Ивана...” (14; 127).

Очень странная забывчивость отца Карамазова была вызвана полным отсутствием духовной связи Ивана с матерью, так что читатель на мгновение разделяет недоумение Федора Павловича. Рассказывая о детстве Алеши, автор несколько раз настойчиво замечает, что Алеша помнил мать, несмотря на ранний возраст, когда он ее потерял. В повествовании о детских годах Ивана мать не упоминается. Сцена разом, мгновенно прерывается, когда в комнату влетает Дмитрий. Возникает эффект вспышки, внезапного озарения, своеобразная эмфаза, обнажившая глубинную суть двух героев с необыкновенной яркостью.

Миропонимание и такого глубокого и оригинального мыслителя, каким по существу является в романе Иван Карамазов, обусловлено. Оно не есть и не может быть порождением чистого разума. Философию Ивана Достоевский поэтому опровергает не логически, а, если так можно выразиться, экзистенциально. Иван неправ не потому, что нарисованная им картина человеческой жестокости неверна, а потому что его позиция этически сомнительна и уязвима. Ее суть обнажена и оценена тем, что второе “я” героя — черт — представлен в образе приживальщика. Позиция Ивана — позиция приживальщика, который живет в мире как человек, не имеющий никакого отношения к его порядкам и потому не несущий ответственности за все, что в нем происходит. А кто отказывается от ответственности, отказывается от свободы, поэтому Иван и совершает поступки, неожиданные для себя самого.

Теоретики радикального преобразования общества исходили из неизменного, неразвивающегося представления о человеческой природе. Человек был для них некой постоянной сущностью, ими до конца познанной. Для Достоевского человек — тайна, которую надо разгадывать, главная проблема. Если историк — это пророк, обращенный в прошлое, то Достоевский — пророк, обращенный к глубинам души человеческой. В своих предсказаниях будущего он шел от постижения человека. Как показало время, такой подход оказался наиболее плодотворным в философии XX века. Природа человека определяет ход истории. И можно назвать главный, решающий пункт расхождения Достоевского с любыми концепциями человека и истории, как “прогрессивными”, так и реакционными, независимо от того, опираются они на авторитет науки или религии: если человек признается познанным до конца объектом — теория очевидно противоречит разуму и неверна. А ведь именно таким предстает человек в любой идеологии. Ни одна из них не объявит человека тайной, поскольку в этом случае она потеряет возможность господства.

Достоевский размыкает границы своих произведений в вечность и здесь

обретает решающий аргумент в борьбе за свободу человека. Поскольку человек сопричастен бесконечности, он непостижим, как и мир, в котором он существует. Бесконечность в цепочке мыслей Достоевского – первое звено и главное условие свободы. То, что человек неподвластен исчерпывающему познанию, означает его свободу, которая есть неотъемлемое человеческое свойство. Без нее его существование перестает быть жизнью. И далее: если бы человеку была дана истина в несомненной полноте, если бы он мог познать ее на земле, исчезла бы возможность жизни.

В свободе суть христианства для Достоевского. “Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве” (14; 232) образ Христа. И всякая претензия на обладание полнотой истины, от кого бы она не исходила: от науки или религии, есть покушение на свободу и несет угрозу человеку. Вера в Бога есть вера в истину и справедливость, вера в то, что они есть и мы их узнаем, но не на земле. Мы их постигнем перед лицом “Судии вечного”, “ибо тогда все узришь правильно и спорить уже не станешь” (14; 290).

Достоевский выступил критиком и лженауки (“Записки из подполья”), и лжерелигии в “Великом инквизиторе”. Он не видел противоречия между истинной наукой, верной требованиям разума, и истинной религией. Разум и вера у Достоевского не враждуют. Иван Карамазов – главный атеист – не принимает веру не потому, что она несовместима с требованиями разума, напротив, он говорит, что идея Бога “премудра”. Достоевский называет любимого своего героя Алешу реалистом и замечает, что “Алеша был даже больше, чем кто-нибудь реалистом” (14; 24). Реалистом в самом простом и понятном значении слова. Реалист – человек, который считается с реальностью, живет в реальном, действительном, а не выдуманном мире. Очевидно, что тот, кто считает человека тайной, реалист, а тот, кто сводит его, например, к комплексу элементарных потребностей, бредит наяву. По убеждению Достоевского, человек “многое из самых сильных чувств и движений природы” (14; 290) своей не может постичь. Но в то же время ему доступно совершенно особое чувство сопричастности, “соприкосновения мирам иным” (14; 290). Это незнание и ощущение живой связи с трансцендентным неразрывны. В конце концов это означает сознание неисчерпаемости, бесконечности человека, который не может заключиться “на земле как клоп”. Поэтому Достоевский предупреждает человека устами Зосимы, что если потеряешь “сие чувство”, то “станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее” (14; 291).

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ортега-и-Гассет. Что такое философия? М., 1991. С. 29.

² Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 42.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же, С. 63.

⁶ Там же. С. 87.